

Трансформация татарской социокультурной инфраструктуры уездного города в первой трети XX в. (на примере г. Троицка Оренбургской губернии)

Л. Р. Габдрафикова

В статье представлены этапы развития социокультурной инфраструктуры татарского населения города Троицка (Оренбургская губерния) в первой трети XX в. Подчеркивается роль общинных, самоуправленческих структур в социокультурной жизни горожан до 1917 г. (открытие школ, библиотеки, драматического кружка и т.д.), обозначены агенты модернизационных изменений: купцы, муниципальные служащие, работники торговой сферы. Выделены три этапа в социокультурном развитии татарского сообщества города (1900-е, 1910-е, после 1917 г.). Рассматривается роль купеческой династии Яшевых, в том числе их косвенное участие в преобразованиях начала XX в. Имеющаяся инфраструктура позволила Троицку и в 1920-е гг. оставаться одним из центров татарской городской культуры. При этом на начальном этапе советского периода сохранилась путаница в обозначении различных этнических групп, поэтому в статье уделяется отдельное внимание дефинициям начала XX в. («восточный», «мусульманский», «татаро-башкирский»). Основными источниками работы являются эго-документы – мемуары татар Троицка. Делается вывод о том, что негативные последствия в сфере татарской культуры Троицка были связаны с унификацией повседневной жизни народов Советской России, а также с административно-географическим расположением города.

Ключевые слова: татары, революция 1917 года, этнические меньшинства, мусульмане России, история повседневности, Троицк, Оренбургская губерния.

Для цитирования: Габдрафикова Л. Р. Трансформация татарской социокультурной инфраструктуры уездного города в первой трети XX в. (на примере г. Троицка Оренбургской губернии) // История повседневности. – 2024. – № 4. – С. 150–169. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_150. EDN: QQUGIR

Введение

Троицк – город на Южном Урале, возникший в 1740-е гг. Это было местом меновой торговли, а население пограничья отличалось полиэтничностью. По данным 1897 г., татары составляли 31,3 % населения Троицка (7 283 чел.) [1, с. 69], большая их часть являлась потомками переселенцев из Казанской губернии.

Сегодня все актуальнее звучат вопросы поиска этнокультурных истоков, сохранения историко-культурного наследия народов России. Поэтому важно изучение исторического опыта этнических меньшинств и их культур, а также примеров их самоорганизации и интеграции в общероссийское культурное и правовое поле в условиях фронта и общественно-политических перемен.

В начале XX в. татарская культура получила развитие в разных городских центрах Российской империи. Это было обусловлено и экономическими связями регионов: татарские купцы и опекаемое ими мусульманское духовенство сумели выстроить собственную обширную сеть. Так, исследовательница Д. Росс назвала это явление «Татарской империей» [2]. Культурная жизнь татарского населения Российской империи была довольно разнообразной не только в Казани, но и в Оренбурге, Уфе и других городах Волго-Уральского региона. До установления власти Советов это явление носило децентрализованный характер.

История татар Троицка еще в дореволюционное время была зафиксирована публицистами [3; 4]. Советское понимание национальных культур и территориальное ограничение татарскости пределами Татарской республики определили и вектор научного изучения этого наследия. Если дореволюционная культурная жизнь татар за пределами Казанской губернии освещалась в советских научных трудах [5–7], то жизнь татарской диаспоры после 1917 г. оставалась «белым пятном» в истории. Лишь на рубеже XX–XXI вв. начался новый виток в изучении истории татар Троицка. Подспорьем стал краеведческий труд о татарском Троицке [8], который можно рассматривать и как образец устной истории. Но прошлое татарского сообщества привлекало исследователей больше в рамках исламоведческих изысканий. Примечательны очерки Д. Н. Денисова о мусульманских общинах Челябинского края конца XVIII – начала XX в. [9], а также энциклопедический словарь «Ислам на Урале» [10].

Статистический анализ, представленный в шестом томе «Истории татар с древнейших времен» показывает, что татары составляли существенную часть мусульманского сообщества города [1, с. 69–70]. Исследования биографического и историко-генеалогического характера тоже это подтверждают [11; 12]. Повседневность троицких мусульман на рубеже XIX–XX вв. была вплетена в татарскую городскую культуру, опиралась на её социокультурную инфраструктуру.

В этой связи любопытны источники личного происхождения: в основном это мемуары. Они в меньшей степени введены в научный оборот, хотя есть и опубликованные документы, и рукописи. Уроженцы Троицка (Хабиб Зайни, Атилла Расих, Чингиз Ахмеров и др.), дети татарской светской интеллигенции, представляли в советских текстах город своего детства – татарский мир рубежа XIX–XX вв. [25; 13; 14]. Сведения о татарской повседневности Троицка можно найти и в материалах людей, временно живших в городе (Мажит Гафури, Лукман Аитов, Габдулла Буби и др.) [15–18].

Носители татарской культуры и жители Троицка не разделяли собственную жизнь на дореволюционную и постреволюционную. Их повседневность зависела от других доминант, в том числе от развития или упадка городской инфраструктуры. В целом жизнь татар Троицка первой трети XX в. не подвергалась научному анализу в таком ракурсе.

Целью нашей работы является изучение социокультурных доминант татарского населения в условиях одного города: от дореволюционных общинных, самоуправленческих структур до советской централизации. Мы попытаемся проследить этапы развития татарской социокультурной инфраструктуры города Троицка и отметить основных агентов её трансформации в начале XX в.

Результаты

Развитие социокультурной инфраструктуры татарского населения уездного города Троицка в начале XX в. можно разделить на несколько этапов: I – 1900-е гг., II – 1910-е гг. и III – после 1917 г. При этом нужно обозначить некоторые базовые моменты.

Первичной формой самоорганизации для татарского населения Троицка были мусульманские общины (махалля), где вы-

бирали духовного лидера (муллу), строили и содержали мечети и учебные заведения (мектебы, медресе). В начале XX в. в Троицке было семь мусульманских приходов, каждый из которых выделялся своими попечителями-купцами.

Татарское сообщество Троицка выделялось от остальных городов Волго-Уральского региона многочисленностью купечества, которое составляло более 3,6 % от общего числа татар города (264 чел.) в 1897 г. [1, с. 70]. Наиболее заметным семейством были купцы Яушевы – обладатели крупных капиталов и активные участники общественной жизни города. В начале XX в. годовой оборот Торгового дома «Братьев Яушевых» составлял 1,1 млн рублей [9, с. 78].

Многочисленной сословной группой являлись троицкие мещане: в 1897 г. в этом звании состояло 4299 татар [1, с. 70]. Поэтому татары в лице купцов и мещан, были интегрированы и в систему местной власти. Так, в 1909 г. в Троицкой городской думе число гласных-мусульман превысило допускаемую по закону 1/5 часть депутатов и составляло 1/3 [9, с. 121]. В состав Троицкой городской управы в этот период избрали мещанина Зарифа Загирова-Рахманкулова. Городское самоуправление выступало как еще один инструмент консолидации татар Троицка.

Рубеж XIX–XX вв. характеризуется ростом урбанизации, не были исключением и татары. Анализ состава татарского населения Троицка показывает, что довольно внушительным было в 1897 г. и число крестьян – 2479 чел. Все эти крестьяне-отходники были задействованы в разных сферах хозяйственной жизни [1, с. 70].

В начале XX в., помимо религиозной общины и муниципальной самоорганизации, в городе появились другие социокультурные доминанты – различные общества. Всего в 1898–1913 гг. в Троицке было зарегистрировано пять обществ, связанных с татарским населением города. Наиболее устойчивым объединением стало Троицкое мусульманское благотворительное общество, учрежденное в 1898 г. Ведущую роль в нем, играли представители купеческой династии Яушевых. Благотворительное общество охватывало разные направления деятельности: от открытия сиротского приюта до содержания библиотеки [10, с. 360–361].

В годы Первой русской революции в Троицке активизировались служащие татарских торговых заведений и организовали

«Троицкое общество приказчиков» под руководством социал-демократа К. Габитова. Общество напоминало профсоюз. Кроме того, оно выделило стипендии нескольким татарам-троичанам для обучения в высших учебных заведениях. Но в постреволюционный период союз приказчиков был закрыт. Такая же угроза нависла и над мусульманским благотворительным обществом Троицка, которое в итоге было перерегистрировано в 1912 г. В 1911 г. в уездном центре учредили сразу два новых общества: «Троицкое общество распространения просвещения» и «Троицкое общество поощрения сценического и музыкального искусства». Первое учреждение под руководством Латифа Яушева сконцентрировалось по сути на одном из направлений деятельности Троицкого мусульманского благотворительного общества – попечении школ. Вторая организация обозначила свои цели как культурно-просветительские. В её организации участвовали служащие, в том числе приказчики. В 1913 г. в честь 300-летия династии Романовых инициировано и зарегистрировано еще одно мусульманское объединение – Троицкое общество «Хайрат». Оно тоже дублировало социальное направление деятельности мусульманского благотворительного общества [10, с. 360–361]. Таким образом, с 1913 г. до установления власти Советов в Троицке работало четыре мусульманских общества.

1. 1900-е годы. Вкратце обозначим основные направления социокультурной работы дореволюционного этапа. Самой проблемной областью в татарском сообществе тогда считалось народное образование (переход от схоластики к звуковому методу обучения) и именно на решение этого вопроса были направлены ресурсы попечителей и энергия интеллигенции. Например, купцы Яушевы с 1890-х гг. начали модернизировать мужское медресе при 2-м мусульманском приходе г. Троицка, и благодаря изменениям оно стало популярным учебным заведением под названием «Мухаммадия» [9, с. 32].

К началу XX в. Троицк конкурировал с такими очагами просвещения, как Оренбург или Уфа. В уездном городе работали несколько крупных медресе, привлекавших внимание шакирдов (учеников) либо авторитетом руководителя учебного заведения (например, «Расулия» во главе с суфийским шейхом Зайнуллой Расулевым) или же богатым техническим оснащением («Мухаммадия») [15, с. 300–301].

Помимо медресе, были в Троицке и начальные школы (мектебе). Но татарские учебные заведения оставались частными, хотя и находились под контролем инспекции народных училищ Оренбургского учебного округа. Выпускники не имели права на продолжение обучения в правительственных учебных заведениях высшей ступени. Поэтому дети некоторых татар обучались, параллельно с мектебами и медресе, еще в русско-татарской школе г. Троицка, работавшей с 1901 г. Долгие годы заведовал ею учитель Лутфулла Абдулгазизов. Русско-татарская школа была организована на базе русского класса при медресе, открытого еще в 1870-е гг. Попечители класса – Яушевы в начале XX в. преобразовали класс в школу, взяв на себя часть расходов. Л. Абдулгазизов помогал Яушевым в их начинаниях: предприниматели доверяли учителю составление официальных документов, судя по всему, попросили его вести бухгалтерские курсы в Троицке и т. д. По некоторым данным в них прошли обучение более 150 мусульман [11, с. 99–100].

Троицк отличался от уездных городов еще и тем, что в нем еще с 1898 г. работала библиотека «Наджат» («Спасение») с татарскими книгами. Открытие читальни связано с Троицким мусульманским благотворительным обществом [10, с. 259]. Для рубежа XIX–XX вв. это был уникальный случай: как выразился местный житель, «отдельная для татар библиотека» [12, с. 215]. Даже в губернских центрах – Казани и Уфе – подобные учреждения появились лишь после 1905 г. Библиотеки были и при местах книжной торговли и издательствах. Например, в Троицке в 1902 г. по инициативе приказчика Габдрахмана Ахмерова возникло книготорговое товарищество «Хезмет» [15, с. 316]. Оно занималось продажей татарских, русских книг, а также изданий из Стамбула, Каира, Бейрута и т. д. Это же объединение приобрело типографию Х. Сосновского и стало выпускать собственные издания [6, с. 159], еще одна мусульманская типография открылась в 1903 г. при медресе «Расулия» [10, с. 126].

В начале XX в. в повседневности городских татар появились литературно-музыкальные вечера и театральные представления. Продвигали их молодые татары, увлеченно копируя культуру модерна и пытаясь адаптировать её образцы к собственной среде. Так, «мы не знаем веселой культурной жизни, ибо живем каждый про себя, встречаясь разве только проходя по ули-

це», – заявлял современник после первого театрального показа в здании Общественного собрания в Троицке (Городской думы) в конце 1908 г. [4, с. 239]. Под «культурной жизнью» автором понимались встречи в «обществе», клубах и собраниях. Татарские театральные представления были связаны с молодыми служащими торговой сферы и муниципальных служб. Здесь надо отметить несколько важных факторов. Во-первых, во время революции 1905–1907 гг. активизировалось общественное движение и среди татар, появилась возможность для организации новых форм публичной активности (обществ, газет и журналов, литературно-музыкальных вечеров и т. д.). Во-вторых, в городе развивалась стационарная торговля, был построен огромный пассаж купцов Яушевых и в этой связи потребовалось больше рабочих сил. В уездный центр приехала татарская молодежь – приказчики из Казани, Перми и других городов [16, с. 68]. По одним сведениям, количество приказчиков только в «Торговом доме братьев Яушевых» доходило до 125 чел. [3, с. 632]. Молодые люди занимались не только созданием собственного профсоюза, но и организовывали спектакли. В-третьих, в постреволюционный период общественные инициативы встречали различные препоны. В 1910 г. из-за подозрения в революционной пропаганде закрылось Троицкое общество приказчиков. Кроме того, среди мусульман России начались поиски «панисламизма». В 1911 г. в разных уголках Волго-Уральского региона прошли обыски и аресты, начался судебный процесс над руководителями медресе с. Иж-Бобья (Вятская губерния) и т. д. [19, с. 355.]

Татарское сообщество Троицка не было однородным и абсолютно консолидированным. Социокультурные инициативы встречали не только поддержку, но и сопротивление. Новые явления (например, театр), привнесенные извне, да еще приезжими молодыми людьми, вызывали негодование в кругах обывателей. «Старое поколение вооружилось против вечера и всем, чем только могло, старалось помешать его успеху, – общал корреспондент троицкой газеты «Степь» в 1908 г. – Но маленькой группе мусульманских приказчиков и лиц интеллигентных профессий все-таки удалось все устроить, и вечер имел большой успех» [4, с. 238].

Это недопонимание, преодоленное в течение нескольких лет, в советское время подчеркивалось как антагонизм поколений,

приравненный к борьбе традиции (старого) с новациями молодежи. В таких нарративах борьба и торжество молодых сил удачно вписывались в революционную концепцию развития татарской культуры [5, с. 219–221; 16, с. 68–69; 8, с. 151–153].

Деятельность по реформированию мусульманской системы обучения тоже вызывала критику, мотивы противников были разными. Например, некоторые троицкие мусульмане писали жалобы на новаторов даже в Министерство внутренних дел, привязывая исключительно прагматичные перемены в системе обучения с «неблагонадежными» мировоззренческими установками агентов модернизации, что звучало особенно актуально в постреволюционный период, в 1909–1910 гг. В этих разбирательствах было много межличностных конфликтов, которые прикрывались заботой доносителей о «вере отцов» и «старом порядке» [2, с. 216]. Доносы о молодых приказчиках перемежались с жалобами на молодых мугаллимов (учителей) обновленных медресе. Среди последних тоже было немало приезжих людей.

Например, в «Мухаммадии» преподавали яркие деятели своего времени – Яушевы приглашали на работу талантливых молодых людей. Среди них были историк Габдельбари Баттал, языковед Гибад Алпаров, журналист Халим Искандеров и др. Преподаватели медресе не ограничивались педагогической деятельностью, писали научные труды и составляли учебные пособия [10, с. 253–254]. Интересна история мугаллима «Мухаммадии» Ниязкулуя Максудова-Вильданова. Он приехал учиться в медресе из соседней Уфимской губернии, потом Яушевы отправили его учиться в Бейрут. Художник Б. Урманче отмечал, что из Бейрута Нияз вернулся в 1912 г. «вовсе не муллой в чалме, а в костюме аля-франка и в шляпе» и учил учащихся медресе играть в футбол [18, с. 395].

В первом десятилетии XX в. в Троицке обозначались основные направления развития социокультурной инфраструктуры города: новые школы, библиотека и типографии, а также театральное дело. В 1910-е гг. эта работа была продолжена, но появились и новые агенты модернизационных перемен в татарской культурной сфере.

2. 1910-е гг. В условиях борьбы не только с революционной молодежью, но и мифическим «панисламизмом», власти были заинтересованы в развитии управляемого «мусульманского»

сообщества. Иллюстрацией этому тезису служит учреждение осенью 1911 г. «Троицкого общества поощрения сценического и музыкального искусства» [10, с. 360]. При нем работали драматический кружок и струнный оркестр. Председателем нового общества стал троицкий фельдшер Давлетша Мухамедшин, а одним из активистов – член Троицкой городской управы З. Рахманкулов [1, с. 153]. Среди учредителей были заявлены также представители татарского купечества.

Городские татары, находившиеся в координатах русской городской культуры, ожидаемо регистрировали или просто именовали собственные клубы и вечера «восточными». Они представляли себя в рамках предлагаемой извне оценочной модели «Восток». Например, в 1907 г. в Казани появился «Восточный клуб». Мероприятия «Троицкого общества...» тоже именовались «восточными вечерами» [1, с. 155]. Журнал «Мир ислама» в 1913 г. тоже обратил внимание на «восточный» театральный опыт в Троицке [3, с. 633]. По факту в «восточных» вечерах и «клубах» показывали как татарские спектакли, так и постановки по пьесам русских и западноевропейских авторов.

Члены драмкружка участвовали и в постановках гастролирующих татарских трупп «Сайяр», «Нур», «Сайях», а струнный оркестр выступал на концертах певцов К. Мутыги, Ф. Латыпова, Г. Альмухамедова. Такие практики развивали артистические навыки местной молодежи. В Троицке появились и свои драматурги: были поставлены спектакли по пьесам Акрама Галимова и Файзрахмана Нурмави [7, с. 335].

Помимо театра, одним из каналов получения новых знаний оставались книги и периодические издания. За десять лет работы выросло число посетителей библиотеки «Наджат»: только за год её посещали более десятка тысяч читателей. В 1912 г. культурно-просветительское учреждение переехало из небольшого помещения из двух комнат в специально выкупленный для библиотеки 2-этажный дом. Мусульманская библиотека работала ежедневно, кроме пятницы.

В Троицке в начале XX в. издавались русские газеты «Троицкий листок», «Троицкий вестник» (позднее «Степь»), а в 1911 г. начали выходить два журнала: «Айкап» на казахском языке и «Акмулла» на татарском. Последнее издание было сатирическим. Издателем и редактором являлся Хабибрахман Ганиев,

который был связан со сферой торговли. Одним из активных авторов «Акмуллы» на начальном этапе стал юный А. Галимов, выбравший себе псевдоним «Чала татар». Позднее к работе подключился поэт Шайхзада Бабиц, переехавший для этого из Уфы в Троицк. Но журнал закрылся в начале 1916 г. [20, с. 10]. А. Г. Каримуллин упоминает еще одно татарское периодическое издание в Троицке под названием «Ижтихад» [6, с. 159].

В целом 1910-е гг. характеризуются зрелостью татарской социокультурной жизни. За десять лет после первой русской революции было достигнуто немало в области печати и театра, народного образования. Особое значение придавалось развитию женского просвещения. В Троицке работало несколько женских школ. Большинство из них поддерживались семьей Яушевых.

Особенно примечательны школы во 2-й махалле города. Здесь организовал женскую школу «Сююмбике» бывший приказчик и книготорговец Г.Ахмаров. «Наш отец, несмотря на то, что был ходжи, учил своих дочерей, моих сестер, в знаменитой школе для женщин, которая располагалась в Ичбуби – одном из татарских аулов, а затем отдал их в Троицкую женскую гимназию», – вспоминал его сын Чингиз Ахмаров [14, с. 11–12]. Именно в эту школу приехала работать осенью 1912 г. Мухлиса Буби, мугаллима из женского медресе Иж-Бобья, где учились ранее дочери Г.Ахмарова. Её переезду предшествовали подозрения братьев Буби в «панисламизме», арест и закрытие татарских учебных заведений в с.Иж-Бобья. М. Буби не ограничилась начальной школой, а хотела восстановить учительскую семинарию по аналогии с ликвидированным женским медресе в своем родном селе. Она привлекала для работы и других учительниц. Среди них были Рокья Юнусова, Зайтуна Мавлюдова, Марьям Черкасова и другие [14, с. 14]. Учительницы тоже не были уроженками Троицка, приехали из разных городов и селений.

В годы Первой мировой войны упростились механизмы интеграции татарских школ в общеимперскую систему народного образования. Вопрос о статусе частных учебных заведений России окончательно разрешился 1 июля 1914 г., когда были упрощены правила по реализации частными лицами различных образовательных проектов [21, с. 159–160]. Юридический акт открыл возможности и для татарских учебных заведений, которые, сохраняя содержание (главным образом, преподавание на татарском языке

ке), могли давать и более широкие права своим выпускникам. При соблюдении ряда условий, они приравнивались в правах с учащимися городских училищ или даже гимназий.

Мужское медресе «Мухаммадия» в Троицке, а также женская школа («мектеб Гайни-абыстай») Гайнии Яушевой (по имени попечительницы) стали первыми, преобразованными под требования нового закона татарскими учебными заведениями такого типа. В татарской прессе тех лет их восторженно называли дарульмугаллимин (мужская мусульманская учительская семинария) и дарульмугаллимат (женская мусульманская учительская семинария). В последней начали трудиться и М. Буби, и Р. Юнусова. Открытие татарских семинарий в Троицке в сентябре 1915 г. стало знаковым событием для образованного татарского сообщества всего Волго-Уральского региона [22, с. 308].

В «Мухаммадии» в 1913–1914 гг. обучались 150 учеников и работали 11 преподавателей. 100 учащихся были приходящими, а 50 проживали при медресе. Для них было выстроено здание во дворе учебного здания, тут же имелись и другие постройки (столовая, баня и т. д.). Само медресе размещалось в двухэтажном полукаменном просторном здании [25, л. 9].

В 1915 г. медресе было преобразовано в мусульманское пятиклассное мужское училище под названием «Вазифа». Учредителем выступал учитель Н. Максудов-Вильданов, а для руководства попечители пригласили сына казанского купца, писателя и историка Газиза Губайдуллина [26, д. 2]. Приглашение такого специалиста было обусловлено и особенностями закона о частных учебных заведениях: помимо русского языка, в них должны были преподавать «русскую историю и географию» [21, с. 159]. Г. С. Губайдуллин, выпускник историко-филологического факультета Казанского университета, начал также преподавать историю в мусульманском женском училище Г. Б. Яушевой в Троицке [26, д. 3]. Однако новые семинарии в задуманном виде проработали совсем недолго, а Г. Губайдуллин уехал из Троицка.

В мусульманских училищах имелись и внутренние конфликты. В 1917 г. в качестве заведующего пригласили педагога Габдуллу Буби, родного брата М. Буби. Но проработал в Троицке он лишь один учебный год. Сначала Г. Буби назначили заведующим дарульмугаллиматом, позднее он отказался от должности. Этот шаг учитель объяснял тем, что супруги Н. Максудов

и Р. Юнусова не особенно радостно встретили кадровое решение попечителей Яушевых. Г. Буби был разочарован программой обучения. Он считал, что в них не применялись татарские учебники, и это обучение трудно было назвать национальным («милли»). Он сетовал, что даже после Февраля 1917 г., «после достижения свободы», продолжают работать по-старому: «русская история все еще изучается на русском языке», педагог предлагал вести эти занятия на татарском языке [17, с. 410].

Изменения Февраля, а затем и октября 1917 г., коснулись сферы печати и общественных объединений. «Троицкое общество поощрения сценического и музыкального искусства» было закрыто уже в феврале 1917 г. Взамен появилось объединение «Национальная мелодия и сцена» [5, с. 221]. Но при новых условиях деятельность татарских артистов была не столь активной как раньше, ведь началась Гражданская война. Трехлетний внук покойного З. Расулева так запомнил это время: «Кажется, это случилось летом девятнадцатого года. Я, мама, папа в Троицке, сидим в подвале нашего дома в районе Амура (...) Со стороны вокзала летят снаряды и с грохотом взрываются. Я жмусь к маме. В сыром и пыльном подвале мы не одни, там много людей. С каждым взрывом они кричат что-то, молятся, просят Аллаха защитить их» [13, с. 105].

3. 1920-е гг. С осени 1919 г. татарский драмкружок и струнный оркестр Троицка вновь оказались под контролем властных структур. Театр был одним из инструментов пропаганды советских ценностей среди населения. Троицкая «мусульманская труппа» считалась с этого времени профессиональной. В отчете подотдела нацменьшинств от февраля 1920 г. сообщалось, что в месяц ставится пять спектаклей, а число артистов увеличено до 18 человек [8, с. 160–161]. Часть труппы во время голода в 1921 г. уехала в Среднюю Азию и там продолжала ставить спектакли [13, с. 138]. В Троицке театральные представления чаще всего были связаны с благотворительными сборами. Например, зимой 1923 г. прошла «Неделя помощи красному флоту». При этом на афишах этого времени указывалось о том, что «мусульманская труппа» поставит спектакль на несуществующем «мусульманском языке» [27, д. 7630]. Очевидно, ни сами артисты, ни заказчики представлений тогда не задумывались о корректном обозначении носителей этой культуры.

В 1920-е гг. продолжали устраивать «Восточные вечера» в Троицке. Они проходили в городском саду и носили театрализованный характер. Там же отмечались праздники сабантуй и джиен [8, с. 37]. В целом обозначение «народы Востока» приобрело особую актуальность в постреволюционные годы. Так и татарские артисты в Троицке в 1931 г. играли «восточную музыку». Само объединение тогда именовалось «Ансамбль татарской драмы и комедии под художественным руководством И. Г. Илялова» [27, д. 7245], т. е. дореволюционные и постреволюционные обозначения («восточный», «мусульманский») местами заменялись на «татарский».

В это время вопрос об обозначении той или иной народности за пределами национальных автономий не особо волновал проводников новой власти. С 1920-х гг. татары на территории бывшей Оренбургской губернии чаще всего назывались чиновниками как «татаро-башкиры» [28, с. 14]. Это было связано и с путаницей в этническом и сословном наименованиях (в дореволюционное время часть татар состояла в сословии «башкир»), и нецелесообразностью выделения отдельной агитационной линии для этнических башкир из-за их традиционной вовлеченности в татарскую культуру. В 1920-е гг. советское делопроизводство только определялось с разными этническими обозначениями, особенно в отношении малых этносословных групп. Так, в бывшей Оренбургской губернии проживали, например, тептяри, которых впоследствии определили и как татар, и как башкир [23, с. 191].

Объединение троицких артистов после перевода в 1931 г. в Свердловск переименовали в Уральский областной татаро-башкирский передвижной театр, но уже через два года учреждение культуры ликвидировали [5, с. 221].

Библиотека «Наджат» после 1917 г. тоже была подключена к работе по распространению установок новой власти. В 1925 г. решением Троицкого окрисполкома библиотеке присвоили имя азербайджанского революционера Н. Нариманова. Позднее учреждение стало называться татаро-башкирской библиотекой. В 1920-е гг. в ней были организованы курсы ликбеза, а в 1925 г. начала работать национальная секция комсомола [10, с. 259].

В 1920-е гг. расширялась газетная сеть на татарском языке. Вообще в этот период 37 % газетного тиража составляли

издания на языках народов СССР [24, с. 309]. В январе 1920 г. в Троицке стала издаваться татарская газета «Ирек» («Свобода»). Печатный орган РКП(б) ставил целью продвижение идей революции и советской власти. Но летом того же года издание перестало выходить. Партийное руководство связывало упадок в книгоиздательском деле «среди татаро-башкирских рабочих» как с переходом на НЭП и с голодом в Поволжье и на Урале, так и с различными реорганизациями на местах [28, с. 18, 24].

После 1917 г. наиболее серьезными были изменения в школьной системе, так как она в своей основе была связана и с религиозными институтами. В советское время были закрыты все мечети Троицка. Самым первым подлежала закрытию мечеть 2-го прихода или Яушевского. Это случилось в 1922 г. Бывшие попечители к тому времени находились далеко за пределами Троицка, часть оказалась в эмиграции. Несмотря на перемены, у оставшихся татар было ощущение, что жизнь общины сохранила дореволюционные черты. Они продолжали жить в своих кварталах, в этнической среде. Хотя мектебе и медресе сразу стали советскими учебными заведениями, учителями трудились дореволюционные педагоги. В голодный 1921 г. татарские школы в Троицке не работали [13, с. 115–116]. Остальные мечети города закрылись в 1928–1937 гг. (4-я, 1-я, 3-я, 5-я и 7-я соборная).

1920-е гг. были относительно благополучным временем для развития школьного и даже профессионального образования на родных языках [24, с. 309]. В Троицке работал татарский методический кружок для учителей [29, д. 3924]. Любопытная трансформация произошла с дарульмугаллимином и дарульмугаллиматом. В 1922 г. в Троицке открылся Татарский педагогический техникум, учебное заведение работало на базе дарульмугаллимина или Мусульманского мужского училища «Вазифа» (бывшая «Мухаммадия»). Директором назначили Х. Зайни. Еще в 1909 г. Троицкое общество приказчиков отправляло его в Стамбул для обучения в Учительской семинарии. После возвращения он работал учителем в уфимском медресе «Галия». Первый выпуск татарского педтехникума состоялся 1926 г. [29, д. 6476]. В 1927 г. татаро-башкирская школа-семилетка г. Троицка тоже выпустила первых учеников [29, д. 3929]. Это учебное заведение было организовано на базе женского училища Г. Б. Яушевой [8, с. 94]. Но постепенно татарские образовательные учреждения

в Троицке сворачивали свою деятельность и были окончательно ликвидированы в послевоенный период [8, с. 99–100].

У этих тенденций имелись и объективные причины. За годы Гражданской войны численность Троицка серьезно уменьшилась. Если в 1920 г. она составляла 36 411 чел., то в 1923 г. – 24 912 чел. [30, с. 16–17]. Убывало и татарское население. В 1926 г. татары уже не составляли вторую по численности национальность Троицкого района, уступив это место украинцам (3 562 чел.) [30, с. 32–33]. Если учесть, что в 1897 г. татар только в уездном городе проживало более 7 тыс. чел., значит к середине 1920-х гг. их численность сократилась почти в два раза.

Обсуждения и выводы

Таким образом, трансформация татарской социокультурной инфраструктуры Троицка в первой трети XX в. охватывает несколько этапов: от модернизации повседневной жизни мусульманских общин благодаря широкой деятельности общественных объединений, до инкорпорирования татарских учреждений в советскую систему культуры и образования. Агентами этих изменений выступали представители разных социальных групп. На первых этапах ведущую роль играли купцы (прежде всего семья Яушевых). При этом в некоторых направлениях (например, театральная жизнь) они сыграли косвенную роль. Открытие пассажа Яушевых спровоцировало приток новых рабочих сил в уездный город, а вместе с молодыми приказчиками были реализованы различные проекты (организованы театральные постановки, профсоюз и т. д.). Приказчики тоже были агентами модернизационных изменений и демонстрировали корпоративную солидарность, разветвленные связи и инициативность. Так, приказчиком Г. Ахмаровым в Троицке были созданы товарищество «Хезмет» и библиотека при нем, открыты женская школа «Сююмбике» и типография. Приказчики как представители «национального пролетариата» выступали опорой власти и в 1920-е гг. Аналогичной была роль муниципальных служащих (З. Рахманкулов, Д. Мухамедшин и др.), которые сочетали как служебные, так и этнические интересы. После ликвидации Оренбургской губернии и создания национальных республик, в 1920-е гг. Троицк оставался одним из центров татарской культуры Волго-Уральского ре-

гиона. Это было обусловлено имеющейся социокультурной инфраструктурой и необходимостью распространения установок советской власти среди населения. Многие элементы дореволюционной культуры татар были вплетены в агитационную политику Советского государства (татарские школы, газеты на татарском языке, татарский театр и т. д.). Но уже не было опоры на институты самоуправления и самоорганизации, встроены ранее в повседневную жизнь татар города. Различные общественные объединения мусульман г. Троицка были заменены единым горсоветом. Гражданская война, ухудшение социально-экономической ситуации и утрата локальных доминант привели к убыли татарского населения г. Троицка, начиная с 1920-х гг. Упадок татарской социокультурной инфраструктуры Троицка был связан также с унификацией и централизацией культурно-общественной жизни народов Советской России, а также административно-географическим расположением города (вне национальных автономий). В целом история советских татар за пределами Татарской республики требует дальнейшего изучения и остается перспективным направлением научных исследований, необходимым для осмысления прошлого России и формулирования сегодняшних задач.

Список литературы

1. История татар с древнейших времен. Т. VI. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. 1172 с.
2. Ross Danielle. Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia. – Indiana University Press, 2020. – 276 p.
3. Мусульмане города Троицка // Мир ислама. – 1913. – Т. II. – Вып. IX. С. 632.
4. Алисов Г. Мусульманский вопрос в России // Гасырлар авазы. – 1999. – 3/4. – С. 238–247.
5. Татар театры (1906–1926). 2 нче басма. Казан: Мәгариф, 2003. 308 с.
6. Каримуллин А. Г. Татарская книга начала XX века. Казань: Татарское книжное издательство, 1974. 319 с.
7. Мәхмүтов Һ., Илялова И., Гыйззэт Б. Октябрьгә кадәрге татар театры. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1988. 399 б.
8. Абубакирова М., Шамсутдинов И., Хасанжанова Р. Историю оставить народу своему. Троицк: Типография им. Сыромолотова, 2002. 296 с.
9. Денисов Д. Н. Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – начала XX в.). М.: Издательский дом Марджани, 2011. 256 с.
10. Ислам на Урале. Энциклопедический словарь. Вып. V. М.-Нижегород: Медина, 2009. 475 с.
11. Муртазина Л. Р. «Лутфулла-учитель» (к 155-летию татарского педагога и общественного деятеля Л. К. Абдулгазизова) // Гасырлар авазы. – 2021. – № 4. – С. 96–106.
12. Габдрафикова Л. Р. Дореволюционное детство в текстах татарского педагога советского времени (на примере эго-документов Хабиба Зайни) // Вестник РУДН. Серия История России. – 2023. – Т. 22. – № 2. – С. 207–222. EDN: IOQDPH

13. Расих А. Внук ишана. Роман-воспоминание. Казань: Татарское книжное издательство, 2016. 270 с.
14. Ахмаров Ч. Г. На пути к прекрасному. Воспоминания. Ташкент: San'at, 2007. 280 с.
15. Гафури М. Сайланма әсәрләр. Казан: Магариф, 2010. 351 с.
16. Аитов Л. Артистның тормыш юлы // Казан утлары. – 1966. – № 7. – Б. 64–93.
17. Махмутова А. Х. Лишь тебе, народ, служенье! (История татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллиных-Буби). Казань: Магариф, 2003. 455 с.
18. Милли-мәдани мирасыбыз. Чиләбе өлкәсе татарлары. Казан: ТӘҺСИ, 2017. 428 б.
19. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 548 с.
20. Рәми И. Г., Даутов Р. Н. Әдәби сүзлек (әлекке чор татар әдәбияты һәм мәданияте буенча кыскача белешмәлек). Казан: Татар. китап нәшрияты, 2001. 399 б.
21. Гач О. Б. Правовая основа формирования негосударственного образования в дореволюционной России // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 9. – С. 156–161.
22. Габдрафикова Л. Р. Мугаллима: новая социально-профессиональная роль татарской женщины начала XX в. // Вестник РУДН. Серия История России. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 302–319. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-302-319>. EDN: EFTRDX
23. Хирш Ф. Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 472 с.
24. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс, 1996. 380 с.
25. Зайни Х. Рукопись воспоминаний «Ишеткән, күргән, белгәннәрдән истә калганнар». Ч. 2 // Из личного архива И. Б. Зайни.
26. Музейный комплекс города Казань. Основной фонд (ОФ). Коллекция № 12920.
27. Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина. Коллекция № 310656.
28. 1-я Всероссийская конференция коммунистов татаро-башкир, не вошедших в Автономные Республики тюркских народов от 4–12 марта 1922 г. (резолуции и постановления). М.: Мосполиграф, 1922. 46 с.
29. Троицкий краеведческий музей (Челябинская область). ОФ.
30. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Уральской области. Свердловск, 1927. 138 с.

The Tatar Socio-Cultural Infrastructure Transformation in a District Town in the First Third of the 20th Century (the Case of the Troitsk Town, Orenburg Province)

Liliya R. Gabdrāfikova

The article presents the stages of development of the socio-cultural infrastructure of the Tatar population of the Troitsk city (Orenburg province) in the first third of the 20th century. Community and self-government structures, as well as their leaders, played an important role in the socio-cultural life of the townspeople until 1917 (opening schools, libraries, drama clubs, etc.). The leaders (merchants, municipal employees, trade workers) were agents of modernization changes. Three stages in the socio-cultural development of the city's Tatar community are outlined (1900s, 1910s, after 1917). The article also highlights the role of the Yaushevs merchant dynasty, including their indirect participation in the transformations of the early 20th century. Troitsk remained one of the centers of Tatar urban culture

in the 1920s. At the same time, in the first years of Soviet power there was confusion in the designation of various ethnic groups, so the article pays special attention to the definitions of the early 20th century (“Eastern”, “Muslim”, “Tatar-Bashkir”). The main sources of the article are ego-documents – memoirs of the Tatars of Troitsk. The author concludes that the negative consequences in the Tatar culture of Troitsk were associated with the unification of the everyday life of the peoples of Soviet Russia, as well as the administrative and geographical location of the city.

Key words: Tatars, 1917 revolution, ethnic minorities, Muslims of Russia, everyday history, Troitsk, Orenburg province.

For citation: Gabdrafikova, L. R. (2024) Transformaciya tatarskoj sociokulturnoj infrastruktury uezd-nogo goroda v pervoj tretej XX v. (na primere g. Troicka Orenburgskoj gubernii) [The Tatar Socio-Cultural Infrastructure Transformation in a District Town in the First Third of the 20th Century (the Case of the Troitsk Town, Orenburg Province)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 150–169. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_4_150. EDN: QQUGIR

References

1. *Istoriya tatar s drevnejshih vremen* (2013) [History of the Tatars from ancient times]. Vol. VI. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (In Russ.).
2. Ross, Danielle. (2020) Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia. Indiana University Press.
3. *Musul'mane goroda Troicka* (1913) [Muslims of the city of Troitsk]. *Mir islama* [World of Islam]. Vol. 2. Iss. 9. P. 632. (In Russ.)
4. Alisov, G. (1999) *Musul'manskij vopros v Rossii* [The Muslim Question in Russia]. *Gasyrlar avazy* [Gasyrlar avazy]. No. 3–4. Pp. 238–247. (In Russ.)
5. *Tatar teatry (1906–1926)* (2003) [Tatar theatre (1906–1926)]. 2nd edition. Kazan: Məgarif. (in Tatar).
6. Karimullin, A. G. (1974) *Tatarskaya kniga nachala XX veka* [Tatar book of the beginning of the 20th century]. Kazan: Tatar book publishing house. (In Russ.)
7. Məhmytov, ħ., Ilyalova, I., Gyzžət, B. (1988) *Oktyabr'gə kadarge tatar teatry* [Pre-October Tatar Theatre]. Kazan: Tatar book publishing house. (in Tatar).
8. Abubakirova, M., Shamsutdinov, I., and Khasanzhanova, R. (2002) *Istoriyu ostavit' narodu svoemu* [Leave history to our people]. Troitsk: Printing house named after Syromolotov. (In Russ.)
9. Denisov, D.N. (2011) *Očerki po istorii musul'manskikh obshchin Cheliabinskogo kraia (XVIII – nachalo XX v.)*. [Essays on the history of the Muslim communities of the Chelyabinsk Territory (18th – early 20th centuries)]. Moscow: Marjani Publishing House. (In Russ.)
10. *Islam na Urale* (2009) [Islam in the Urals Region]. Encyclopedic Dictionary. Iss. V. Moscow – Nizhny Novgorod: Medina press. (In Russ.)
11. Murtazina, L. R. (2021) «*Lutfulla-uchitel'*» (k 155-letiyu tatarskogo pedagoga i obshchestvennogo deyatelya L. K. Abdulgazizova) [Teacher Lutfulla (dedicated to the 155th anniversary of the birth of a Tatar educator and public figure L. K. Abdulgazizov)]. *Gasyrlar avazy* [Gasyrlar avazy]. No. 4. Pp. 96–106. (In Russ.)
12. Gabdrafikova, L. R. (2023) *Dorevolucionnoe detstvo v tekstah tatarskogo pedagoga sovetskogo vremeni (na primere ego-dokumentov Habiba Zajni)* [Pre-revolutionary Childhood in the Texts of Habib Zaini, Tatar Teacher of the Soviet Era]. *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. Vol. 22. No. 2. Pp. 207–222. (In Russ.). EDN: IOQDPH
13. Rasih, A. (2016) *Vnuk ishana* [Ishan's grandson]. Novel-memory. Kazan: Tatar book publishing house. (In Russ.)
14. Ahmarov, Ch. G. (2007) *Na puti k prekrasnomu* [On the way to beauty]. Memories. Tashkent: San'at. (In Russ.)
15. Gafuri, M. (2010) *Sajlanma əsərlər* [Selected Works]. Kazan: Magarif. (In Tatar.)

16. Aitov, L. (1966) *Artistnyy tormysh yuly* [Actor's life path]. *Kazan utlary* [Kazan utlary]. No. 7. Pp. 64–93. (In Tatar.)
17. Mahmutova, A. H. (2003) *Lish' tebe, narod, sluzhen'e!* (*Istoriya tatarskogo prosvetitel'stva v sud'bah dinastii Nigmatullinyh-Bubi*) [Only to you, people, service! (The history of Tatar enlightenment in the fates of the Nigmatullin-Bubi dynasty)]. Kazan: Magarif. (In Russ.)
18. *Milli-madani mirasybyz. Chiläbe ölkäse tatarlary* (2017) [Our national and cultural heritage. Tatars of the Chelyabinsk region.]. Kazan: Institute of Language, Literature and Arts publ. (In Tatar.)
19. Geraci, Robert P. (2013) *Okno na Vostok: Imperija, orientalizm, nacija i religija v Rossii* [Window on the East: Empire, Orientalism, Nation and Religion in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
20. Rəmi, I.G, Dautov, R.N. (1988) *Ədəbi syzlek (elekke chor tatar ədəbiyaty həm mədəniyate buencha kyskacha beleshmälek)* [Literary Dictionary (A Brief Guide to Tatar Literature and Culture of the Past Era)]. Kazan: Tatar book publishing house. (In Tatar.)
21. Gach, O.B. (2010) *Pravovaya osnova formirovaniya negosudarstvennogo obrazovaniya v dorevolyucionnoj Rossii* [Legal Basis of a Formation of Non-Governmental Education in Pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Journal of Tomsk State Pedagogical University]. No. 9. Pp. 156–161. (In Russ.)
22. Gabdräfikova, L. R. (2019) *Mugallima: novaja social'no-professional'naja rol' tatarskoj zhen-shhini nachala XX v.* [Mugallima: Tatar women's new social and professional role in the early 20th century]. *Vestnik RUDN. Serija Istoriya Rossii* [RUND Journal of Russian History]. Vol. 18. No. 2. Pp. 302–319. (In Russ.) DOI: 10.22363/2312–8674–2019–18–2–302–319
23. Hirsch, Francine. (2022) *Imperija nacij: etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Sojuza* [Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
24. Kapeller, Andreas (1996) *Russland als Vielvölkerreich. Entstehung – Geschichte – Zerfall*. Moscow: Progress publ. (In Russ.)
25. Zəjni H. *Rukopis' vospominanij «Ishetkən, kyrgən, belgännördən ista kalgannar»* [Manuscript of memoirs "From what was heard, seen, and remained in memory"]. Part. 2. Personal archive of Iskander B. Zaini. (In Tatar.)
26. *Muzejnij kompleks goroda Kazan'* [Museum complex of the city of Kazan]. OF. Collection no. 12920. (In Russ.)
27. *Gosudarstvennyj central'nyj teatral'nyj muzej im. A. A. Bahrushina* [State Central Theatre Museum named after A. A. Bakhrushin]. Collection no. 310656. (In Russ.)
28. *1-ya Vserossijskaya konferenciya kommunistov tataro-bashkir, ne voshedshih v Avtonomnye Respubliki tyurkskih narodov ot 4–12 marta 1922 g. (rezolyucii i postanovleniya)* (1922) [1st All-Russian Conference of Tatar-Bashkir Communists who were not part of the Autonomous Republics of Turkic Peoples, March 4–12, 1922 (resolutions and decrees)]. Moscow: Mospoligraf press. (In Russ.)
29. *Troickij kraevedcheskij muzej* [Troitsk Museum of Local History]. OF. (In Russ.)
30. *Predvaritel'nye itogi Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1926 g. po Ural'skoj oblasti* (1927) [Preliminary results of the All-Union Population Census of 1926 in the Ural Region]. Sverdlovsk. (In Russ.)

Об авторе

Габдрафикова Лилия Рамилевна, доктор исторических наук, профессор АН РТ, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация; e-mail: bahetem@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9940-9097

About the author

Gabdrāfikova Liliya R., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Tatarstan Academy of Sciences, Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation; e-mail: bahetem@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9940-9097

*Статья поступила в редакцию 08.09.2024
Одобрена после рецензирования 25.10.2024
Принята к публикации 30.10.2024*